

LITERATURE

- A b e n, K. 1947, Eesti ja liivi laenud läti keeles. Dissertatsioon, Tartu.
- E r n i t s, E. 1997, Ein neuer Rekonstruktionsversuch der kreewinischen Texte. — LU XXXIII, 181—192.
- K á l m á n, B. 1989, Chrestomathia Vogulica, Budapest.
- P a j u s a l u, K. 1996, Multiple Linguistic Contacts in South Estonian. Variation of Verb Inflection in Karksi, Turku (Turun Yliopiston suomalaisen ja yleisen kielitieteen laitoksen julkaisuja 54).
- S u h o n e n, S. 1973, Die jungen lettischen Lehnwörter im Livischen, Helsinki (MSFOu 154).
- V a b a, L. 1977, Läti laensõnad eesti keeles, Tallinn (Eesti NSV Teaduste Akadeemia Keele ja Kirjanduse Instituut).
- Z e p s, V. 1962, Latvian and Finnic Linguistic Convergences, The Hague.

ROGIER BLOKLAND (Tartu)

<https://doi.org/10.3176/lu.1998.4.12>

Школьный этимологический словарь коми языка, Сыктыв-кар 1996. 240 с.

Коми книжное издательство выпустило «Школьный этимологический словарь коми языка», составленный известными коми языковедами В. А. Ляшевым, Л. М. Безносиковой, Е. А. Айбабиной и Н. К. Забоевой.

Книга состоит из двух неравных по объему частей: справочной, включающей небольшое теоретическое введение, разделы о структуре словаря, принятой транскрипции, условных сокращений и др. (с. 3—13), и основной — словарной (с. 14—233).

Отрадно то, что составителям и издателям словаря успешно удалось избежать абсолютно ненужного упрощенчества — путем сохранения (1) общепринятой в настоящее время финно-угорской транскрипции на латинской графической основе, применяемой в реконструкциях праформ и в отдельных источниках по некоторым языкам, и (2) оригинальной системы письма различных финно-угорских народов как на латинице, так и на кириллице. В этом заключается одно из существенных положительных отличий данного словаря от популярного характера кратких этимологических словарей эрзянского (ЭЖНЭС) и мокшанского (МКНЭС) языков, в которых как латинские буквы, так и специфические буквы русского алфавита отдельных языков заменены — не совсем адекватно и не всегда последовательно — буквами мордовских алфавитов.

Для удобства восприятия форм, записанных в финно-угорской транскрипции на латинице, неспециалистами в области

финно-угроведения (учителями, студентами, учащимися, а также всеми, кто интересуется коми этимологией) составители дают толкование абсолютного большинства транскрипционных букв и знаков (с. 10—11). Однако для полноты необходимо было включить в список еще и следующие знаки: 1) букву *ÿ*, нередко применяемую в прапермских реконструкциях; 2) знак долготы гласного [ː]; 3) знак редукции гласных [˘].

В отдельных случаях неверно определено фонетическое содержание транскрипционных знаков, например, буквой *ŋ*, вопреки мнению составителей, отмечается веллярный согласный, а не мягкий (с. 10); гласный, обозначаемый знаком *ш*, по своему подъему не идентичен гласному, фиксируемому как *ö* (с. 11).

Основу словаря составляет, естественно, этимологический корпус, включающий свыше 870 словарных статей. Исключительно важно в методическом отношении — с точки зрения воспитания подрастающего поколения в духе любви и уважения к родному языку — то, что львиная доля словника словаря состоит из общеупотребительных коми слов исконного (уральского, финно-угорского, финно-пермского, общепермского) характера и доками заимствований из праиндоевропейского, иранских, тюркских языков; поздние же собственно коми заимствования (из русского, прибалтийско-финских, обско-угорских, ненецкого и других языков) представлены относительно меньшим списком. Ограничен-

ный объем словаря, разумеется, не позволяет расширять словник, однако в его составе, наряду с отдельными диалектными и устаревшими словами и некоторыми русскими заимствованиями — возможно, и вместо них, — хотелось бы видеть ряд других общеупотребительных коми слов (в основном исконного происхождения), например, *вундавны* 'резать, пилить', *вундны* 'забыть, позабыть, запомнить', *кёр* 'олень', *омоль* 'плохой', *том* 'молодой', *чер* 'топор' и некоторые другие.

В каждой словарной статье вслед за полным толкованием значения заглавного слова приводятся свободные или устойчивые словосочетания, обычные предложения или цитаты из произведений художественной литературы с этим словом либо образцы коми народной паремии — пословицы, поговорки, загадки, приметы, способствующие более полному раскрытию значений и употребляемости рассматриваемой лексики. Если заглавное слово сложное, то иногда оно членится на составные части. В собственно этимологической части приводятся параллели из близкородственных коми-пермяцкого (не всегда — см. ниже) и удмуртского языков; вслед за тем — если имеются в наличии — соответствия из финно-волжских, угорских и самодийских языков; тем самым весьма наглядно и не для специалиста определяется относительная хронологическая стратиграфия каждого заглавного слова (собственно коми, общекоми, общепермского, финно-пермского, финно-угорского или уральского происхождения). В этом заключается второе существенное положительное отличие данного словаря от упомянутых кратких этимологических словарей эрзянского и мокшанского языков. При заимствованных словах указывается источник заимствования. Завершается словарная статья реконструкцией праформы соответствующей хронологической глубины.

Здесь хотелось бы отметить два упущения, касающиеся структуры словарных статей.

Во-первых, не совсем последовательно отношение составителей словаря к коми-пермяцким соответствиям. Хотя авторы и декларируют, что «из близкородственного коми-пермяцкого языка параллели приводятся главным образом в тех случаях, когда они отличаются от соответствующих слов коми

языка, или для подтверждения общекоми происхождения слова» (с. 10), на практике они нередко отходят от этого принципа. В корпусе словаря коми-пермяцкие материалы находят несколько способов использования, не всегда вытекающих из деклараций составителей: 1) слова *вок* 'брат' (с. 39), *вор* 'корыто', *ворсны* 'играть' (с. 41) и др. отнесены авторами к общекоми фонду без апелляции к коми-пермяцким параллелям; 2) в словах общепермского происхождения (или заимствованиях того периода) *ёг* 'сор; мусор; сорняк; соринка' (с. 57), *пода* 'скот' (с. 157), *пурт* 'нож' (с. 166), *пытш* 'блоха' (с. 170) и т. д. коми-пермяцкие лексемы приведены даже при том условии, что они как в фонетическом, так и в семантическом отношении полностью совпадают с коми-зырянскими; 3) в случаях с коми заглавными словами *йёй* 'глупец, дурак; глупый, бестолковый' (с. 76), *кень* 'пенка, корочка, пленка; налет' (с. 82), *кись* 'бёрдо' (с. 84) и др. о наличии коми-пермяцких соответствий лишь сообщается. В свете приведенного материала читателю нелегко разобраться в тех случаях, когда коми-пермяцкие данные вообще не упомянуты (напр., *ар* 'год (о возрасте); осень' (с. 16), *бадь* 'ива; ивняк, тальник' (с. 17), *бон* 'мочало; тряпка' (с. 20) и др.); отсутствуют ли они вообще и потому не могли быть приведены, или полностью тождественны коми-зырянским словам, и, следовательно, не упомянуты в словаре в соответствии с принципами его составления или же пропущены по небрежности составителей.

На мой взгляд, коль скоро речь идет об этимологическом словаре коми языка, то коми-пермяцкие и коми-язьвинские материалы, являющиеся ключевыми для него (особенно при реконструкции общекоми состояния) и зафиксированные в соответствующих источниках, следовало приводить в обязательном порядке во всех возможных случаях.

Во-вторых, некоторая часть иллюстративной паремии повторяется при двух заглавных словах, например: *Гид тыр ыж да ёти бёж* 'Полна овчарня овец, а хвост один' — при *бёж* 'хвост' (с. 21) и *гид* 'хлев' (с. 51); *Кыті емыс, сэт и сунисыс* 'Куда иголка — туда и нитка' — при *ем* 'игла, иголка; спица, вязальный крючок' (с. 66) и *сунис* 'нитка, нить, пряжа' (с. 187); *Абу и ыджыд лудік, да узьны оз сет* 'Не велик клоп, да спать не дает' — при *лудік* 'клоп' (с. 115) и *узьны* 'спать' (с. 203) и др.

Что касается самих этимологий, то они весьма корректны, подтверждены достаточным для данного жанра исследования иллюстративным материалом из соответствующих языков и в абсолютном большинстве случаев не вызывают сомнений и возражений. Залогом высокой научности словаря, вне сомнения, послужило то, что его составители опирались на фундаментальные труды своих предшественников в области финно-угорской этимологии: КЭСК и «Дополнения» к нему (Лыткин, Гуляев 1975), раздел «Сравнительная лексика финно-угорских языков» книги «Основы финно-угорского языкознания» (1974), написанный К. Редеем и И. Эрдейи, и UEW К. Редеем. Не случайно рецензируемый словарь посвящен В. И. Лыткину и Е. С. Гуляеву, а К. Редеем является его редактором. Последний оказал большую помощь составителям также и в уточнении праформ этимологизируемых слов.

Хотя рецензируемый словарь и популярное издание, его высокий научный уровень позволяет предъявлять к нему довольно серьезные требования, а сам словарь, на мой взгляд, может служить поводом для размышлений и сомнений в отношении пермских этимологий, уточнений и дополнений их и иллюстративных материалов к ним.

1. В словаре представлена весьма оригинальная этимология местоимения *ас* 'свой, собственный', возводящая его к сочетанию двух первичных местоимений (< праперм. *асы < *а* 'этот' и *сы* 'он, она, оно' — с. 16). Однако она мне кажется не совсем достоверной по следующим соображениям: а) при таком раскладе компонентов мы должны были бы получить местоимение-существительное, но совр. удм., коми *ас* — местоимение-прилагательное; б) местоименная основа *ас*, наряду с *ач-* и *ас'-*, во всех пермских языках включается в парадигму склонения усилительно-личного местоимения: удм. *ачим*, коми, комиП *ачым* 'я сам', удм. *ачид*, коми *ачыд*, комиП *ачыт* 'ты сам', удм. *ачиз*, коми, комиП *ачыс* 'он сам'; ср. удм.: ном. *ач-им* 'я сам', ген. *ас-лам* 'у меня самого, свой собственный', ном. мн. ч. *ась-меос* 'мы сами', дат. мн. ч. *ась-мелы* 'нам самим' и др.; коми: акк. *ач-ымӧс* 'меня самого', дат. *ас-лыд* 'тебе самому', акк. *ась-сӧ* 'его самого' и др.; комиП: ном. *ач-ыт* 'ты сам', инстр. *ас-нат* 'тобой самим', ном. мн. ч. *ась-ным* 'мы сами' и т. д. По всей вероят-

ности, *ас-*, *ач-*, *ась-* являются морфологическими вариантами одной и той же (единого происхождения) местоименной основы; а между тем основы *ас-* и *ач-* в рецензируемом словаре отнесены к различным этимологическим гнездам (с. 16).

2. В одном случае для фонетического соответствия коми *о* ~ удм. *у* (коми *борд* 'крыло; плавник; перо (птицы)', удм. *бурд*) авторы реконструируют праперм. *o; в другом случае для идентичного соответствия (коми *бор* 'межа, межполосье', удм. диал. *-бур*: *анабур* 'борозда, межа') — *o или *o (с. 20); а в третьем (коми *орс* 'плеть, кнут', удм. лит. *урьс*, сев. (XVIII в.) *урсь*) — *o (с. 146). Подобная непоследовательность в реконструкции прапермских гласных имеет место и в других этимологических гнездах.

3. Аналогичная непоследовательность наблюдается и в отношении качества праперм. *e* в соответствиях коми *э* ~ удм. *о*: а) коми *вермыны* 'преодолеть, победить, побороть; мочь; обладать силой', удм. *вормыны* 'победить, осилить; преодолеть' < праперм. **vetn-*; б) коми *весавны* 'чистить, очищать', удм. *востэм* 'безобидный, скромный, мягкий' < праперм. **vgz-* (с. 32).

4. Коми *войт* 'капля' следует считать более ранним — во всяком случае, общепермским — по происхождению, нежели только «общеккоми» (с. 38), ибо оно имеет соответствия и в удмуртских диалектах: кукм. *валтэт* 'капля', сев. (XVIII в.) *валтек-*: *валтектыско* 'каплю', *одыгь валтектэ* 'покаплё' (*одыгь* 'один') (Кр. 21, 53), в которых *-эт* и *-ек* — суффиксы.

5. Сказанное касается и коми *вок* 'брат' (с. 39), имеющего соответствия во многих периферийно-южных говорах удмуртского языка: говоры удмуртов Башкирии *vudmort*, *vutmort*, *vukmort*, *vurdmort* 'двоюродный дядя, троюродный брат по линии отца и др.' (Тепляшина 1968 : 265); бт. *ву'морт*, *вуртморт*, *выкморт*, *вы'морт*, татш. *вукморт*, *ву'морт*, *вү'морт*, *вь'морт*, шаг. *вукморт*, *шошм.*, канл. *ву'морт*, кукм. *вь'морт* 'сын старшей и младшей сестры моего отца (он, сын сестры моего отца, старше меня)' (Насибуллин 1975 : 113). Второй компонент этого сложного слова *морт* означает 'человек', первая же часть — *вук-*, *ву'-*, *вык*, *вы'-*, *вү'* и др. ныне самостоятельно не употребляемая, восходит к праудм. *viik (Т. И. Тепляшина ошибочно считает первичной форму *vud-* (1968 : 265)) и представляет собой несомненную параллель к коми *вок* (Насибуллин 1975 : 113).

6. К коми *ворон* 'рукоятка, рукоять, черенок' имеется удмуртское соответствие не только в словаре Ф. Й. Видемана (*vaɣur*), но и у Захария Кротова: *уварыть* 'черень у ножа' (Кр. 234); в последнем зафиксирована более ранняя форма данного удмуртского слова с анлаутным *ца-*.

7. Мар. *чанг* 'колокол церковный', марГ *чанг* 'колокол; колокольный', имеющие тюркское происхождение, как и в отдельных удмуртских диалектах, не связаны с коми *жынняян* 'колокол; колокольный', удм. *жин* — звукоподражание звону стеклянной посуды, металлических предметов; *жингырес* 'звонкий, звучный' (с. 69). Не случайно в отдельных южных говорах удмуртского языка эти два этимологических ряда четко различаются; ср., в кукморском: с одной стороны, *жэу* — звукоподражание звону, *жэуэртъ-* 'звонить, звенеть; бречать' (коми *жынняян*) и, с другой, *чау* 'набат' (мар. *чанг*, марГ *чанг* < тюрк. < перс. *čang*) (о последней параллели подробнее: Кельмаков, Тепляшина 1973 : 395). Следовательно, ни один из этих рядов не может быть возведен к ф.-п. **žauž-* (с. 69). Кстати, последняя форма фонетически недостоверна: в финно-пермский период звонкие согласные (из парных по глухости / звонкости) в анлауте не употреблялись.

8. При отсутствии удмуртского соответствия не совсем корректно постулировать общепермскую праформу для коми слова — это касается слов *зон* 'парень, хлопец; мальчик' (с. 71), *ош* 'медведь' (с. 146—147). 9. Несколько рискованно возвести коми *ид* 'ячмень; ячменный' и удм. *йыды* непосредственно к ф.-п. **jeiä* 'зерно' (> удм. *ю* 'хлеб в зерне'). Даже если и связаны коми *ид*, удм. *йыды* с ф.-п. **jeiä* 'зерно' (> удм. *ю*, морд. *юв* 'мякина', фин. *jyvä* 'колос; зерно, хлеб', эст. *iva* 'зерно'), то лишь опосредованно, как производное общепермского периода от более древнего корня.

10. У авторов отношение к происхождению композит весьма сложное: 1) в одних случаях они указывают (абсолютно или относительно) точное время образования сложного слова, например, коми *лыдпас* 'цифра; данные' «возникло... в 20—30-е годы 20 века» на базе более ранних компонентов *лыд* 'число' и *пас* 'знак' (с. 117); ср. также: *лысва* 'роса' (комиП *лысва*, удм. *лысву*) совершенно справедливо отнесено авторами к общепермскому фонду (с. 118); 2) в других случаях время образования

сложного слова ошибочно соотносится с эпохой возникновения составляющих его компонентов, например, в отношении *кодзукот* 'муравей' авторы пишут: «Это древнее сложное слово, состоит из двух частей: *кодзув* и *кот*» (с. 86), а между тем это — весьма позднее (собственно коми или общекоми периода) образование, хотя и на базе компонентов финно-пермского происхождения; аналогичным образом и коми *пучой* 'короед' — сложное слово лишь прапермского периода (ср. удм. *пычей* 'короед, древоед'), хотя авторами имплицитно квалифицируется как финно-угорское (с. 166—167); 3) в третьих случаях вопрос о времени образования композиты составители обходят молчанием, сконцентрировав все внимание лишь на истории ее составляющих, см. *мывкыд* 'ум, разум, рассудок; толк, благоразумие' (с. 129).

В случае со сложными словами должна быть четкая дифференциация времени образования всей конструкции, с одной стороны, и времени возникновения ее компонентов, с другой.

11. Корень слова *коласт* 'промежуток; щель, зазор', имеющий параллели как в финно-пермских языках, так и в угорских, восходит к финно-угорскому периоду, а не к финно-пермскому, как ошибочно сообщается в словаре (с. 88).

12. К коми слову *лөн* 'древесный хлам; сор; валежник' в последнее время обнаружено удмуртское соответствие в составе топонимов — *лөн* с предположительным значением 'Fallholz, Waldesdickicht; валежник, лесная чаща': (в гидронимах) *Лөн* — река, приток р. Чепцы; *Лөн*, рус. *Лып* — река, приток р. Сива; (в ойконимах) *Лып-Булатово* (Кезский район), *Малый Лып, Лып-Гари* (Воткинский район); *Лөн*, рус. *Лып-Селяны* (Шарканский район) (Атаманов 1984 : 182—183).

13. Корень *мат-* в коми *матын* 'близко, поблизости' декларативно выводится из финно-пермской праформы **mättz* (**mättz*) 'дом, палатка, шалаш', хотя в словарной статье приведены лишь пермские параллели (с. 122), которые ни в коем случае не дают основания постулировать названное значение этимона.

14. Круг значений финно-пермской праформы **mele* в различных контекстах определен по-разному: 'смысл, душа, рассудок, разум' (с. 126) и 'чувство, нрав, ум, разум' (с. 129).

15. В этимологической литературе имеется попытка квалифицировать коми *намыр* 'кос-

тяника', удм. *намер* как композиту обще-пермского периода (*татэз 'земляная ягода, земная ягода, наземная ягода'), возникшую на базе более древних корней: удм., коми *на-* < **та-* (< ур. *таге 'земля, страна' — UEW 263) и коми *-мыр*, удм. *-мер* < **-тэз* (< ф.-в., ? ф.-у. *тарја 'ягода' — UEW 264—265). Более ранняя форма этого сложного слова сохранилась в коми-язвинском: *ма-мер*: *мамер йагәд* (КЯД 145) (подробнее: Кельмаков 1970 : 139—141). Если это так, то этимон *тарја 'ягода' (> удм. *-мер*, коми *-мыр*, комиЯ *-мер*) относится без сомнения не к финно-волжскому пласту, как считает UEW, а к финно-пермскому.

16. Имеется ли основание коми *ном* 'комар', удм. *нымы* 'комар; мошка, мошкара' отнести к финно-пермскому пласту лексики, если — как выражаются авторы словаря — «соответствия в других финно-угорских языках в настоящее время выясняются» (с. 138), но, по-видимому, еще не выяснены? Собственно, UEW относит его к уральскому (с. 303) или к финно-пермскому пласту (с. 710—711), но в обоих случаях под вопросом.

17. Коми *ньор* 'лоза, ветка, прут...', удм. *ньор* 'ветка, розга', с некоторыми сомнениями сопоставимые с угорскими и самодийскими словами, разумеется, даже под вопросом не могут быть отнесены к угорскому периоду (с. 142).

18. Коми диал. *орс* 'плеть, кнут' в современном удмуртском языке соответствует в фонетическом отношении более новая форма *урис* 'плетка, нагайка, бич' со вторичным *-ы-* (с. 146). Ее первичный вариант зафиксирован в словаре З. Кротова: *урсь* 'плеть, нагайка' (Кр. 243).

19. Удм. диал. *эзъл-* (точнее: *эзъл-*) 'оттаять, подтаять, растопиться' не относится к одному этимологическому ряду с коми *эзйыны* 'загореться, зажечься, гореть' (с. 147—148) по той простой причине, что первое представляет собой весьма позднее татарское заимствование (подробнее: Калинина, Кельмаков 1987 : 189; UEW III 7).

20. Коми *содны* 'прибавляться, увеличиваться' (с. 183) имеет точную параллель в удмуртских говорах Закамья: таш. *сүднь*, бт., кан., шаг. *сыдыны*: *табан* 'сыдыны' 'перед выпечкой корректировать блинное тесто путем добавления необходимых компонентов (воды, муки, соли); обновить блинное тесто' (*табан* 'блины') (Насибуллин 1975 : 118).

21. Для коми *чери* 'рыба; рыбий' (комиП *чери*,

удм. *чорыг*) авторы реконструируют «предполагаемую древнюю форму» *čeri, аналогично и для коми *чикыш* 'ласточка' (комиП *чикись*) — **čik-* (с. 208). Однако при этом они не указывают, до какой глубины простирается эта «древность», хотя в других этимологических статьях в этом отношении, как правило, предельно точны. Кстати, в данных праформах может вызвать недоумение и то, почему одна и та же глухая палатальная аффриката в одной реконструкции передана как **č-*, а в другой — **č̣-*.

22. Коми *шуравны* 'сохнуть, сушиться, проветриваться' (с. 220) имеет параллель в удмуртских говорах Закамья: бт., (? — В. К.) круф. *шураны* 'подсыхать на ветру, сушиться, вялиться на ветру, выветриваться'; бт. *шуратыны*: *žэзэз шуратыны* 'дать сушиться ржи на ветру' (подробнее: Насибуллин 1975 : 122—123).

23. Удм. *ичи* 'мало, немного' из-за палатального *-ч-* (-*č-*) этимологически не может соотноситься с коми *этиша* 'мало', имеющим в инлауте велярную аффрикату *-ти-* (-*č-*) (с. 226); к тому же первое (*ичи*) уже включено авторами в более вероятное этимологическое гнездо вместе с коми *ичот* 'маленький', мар. *изи* 'маленький' < ф.-п. *ičä (*ičä) (с. 75).

24. Иногда непоследовательно обозначено наличие / отсутствие конечного гласного (позд-)прапермской именной основы. Как известно, в прапермский период произошло массовое отпадение конечного гласного финно-угорской основы, однако при этом узкие гласные (типа *-j* или изредка *-i*) в удмуртском языке, в отличие от коми, sporadически сохранились, в результате чего наиболее распространенными в отношении конечных гласных непроемной основы удмуртско-коми соответствиями являются а) удм. *-ө* ~ коми *-ө*: удм. *вал*, коми *вөв* 'лошадь, конь'; удм., коми *вот* 'сон, сновидение' и т.д.; б) удм. *-ы* ~ коми *-ө*: удм. *лымы*, коми *лым* 'снег', удм. *чуньы*, коми *чань* 'жеребенок' и др.

В соответствии с этим при первом виде соответствий (удм. *-ө* ~ коми *-ө*) (позд-)прапермский этимон вполне логично реконструировать без конечного гласного основы, в словаре: *baŋ 'лицо, лицевая сторона' (> удм. *бам* 'щека, лицо; склон', коми *бан* 'лицо, щека; лицевая сторона' — с. 18), *boŋ 'мочало' (> удм. *бун* 'мочало', коми *бон* 'мочало; тряпка' — с. 20) и т.д.; при втором же раскладе (удм. *-ы* ~ коми *-ө*) ес-

тественно ожидать общепермскую праформу с конечным гласным основы: *połʹz 'пузырь' (> удм. *пулы* 'пузырь; волдырь; мозоль', коми *боль* — с. 20), *gǝž 'веревка' (> удм. *гозы*, коми *гез* — с. 51) и др.

Однако наряду с этим в словаре встречаются совершенно не понятные для рецензента реконструкции конечного гласного в тех случаях, где он вроде бы не должен быть (удм. $\emptyset$ ~ коми $\emptyset$), напр., *vész или *vǝsz при удм. *вись* 'четверть, пядь', коми *весьт* (с. 33); *sikti при удм. *сик* 'лес', коми *сикт* 'деревня; селение; село' (с. 180); *šepi при удм., коми *шеп* 'колос' (с. 214), *šori при удм. *шор* 'центр, середина', коми *шӧр* (с. 218), с одной стороны; и, напротив, отсутствие в праформе конечного гласного, который по условиям реконструкции должен был бы присутствовать, напр., **ʔol'* при удм. -*люльы*: *кылялюльы* 'улитка', коми *лӧльӧ* 'улитка, слизняк' (-*ӧ* — суффикс субъективной оценки) (с. 110—111).

Противоречия в отношении конечного гласного основы имеют место и в реконструкциях прапермских глагольных основ. В одних случаях конечные гласные восстановлены: **babx-* 'лечь спать' (с. 17), **šeti-* 'дать' (с. 178), **šerdi-* 'веять' (с. 215); **ički-* или **ički-* 'рвать, теревить, отделять, разрывать на части' (с. 233); а в других — нередко даже после сочетаний согласных в основе глагола — они отсутствуют: **börd-* 'плакать' (с. 21), **bügrt-* (с. 24), **verm-* (с. 32), **vetl-* (с. 33), **vxid-* 'подавиться' (с. 35), **vǝd-* 'лечь' (с. 37), *püɟj-* (с. 168), *rgkt (с. 172) и т. д.

25. В книге остались орфографические ошибки и помимо указанных в прилагаемом к ней солидном списке опечаток, на-

пример, удм. *вожадыр* 'святки' вместо *вожодыр* (с. 28); *jul вместо *jül (с. 77), *эзие* вместо *эзне* (с. 76), удм. *куанеч* вместо *куанер* (с. 90), венг. *him* вместо *hím* (с. 90), венг. *hajhal* вместо *hajnál* (с. 102), *ksrnz вместо (?) *ksrnz (с. 108), *mubbe* (с. 126) ~ *nubbe* (с. 128) в значении 'другой' (которая форма правильная?), *myktz вместо *mšktz (с. 131), венг. *nyil* вместо *nyíl* (с. 141), в удмуртском вместо в удорском (с. 134), *sarta (a?) (с. 177), общеперм. *tälčz (для общепермского праязыка гласный *ä* вроде бы не постулируют) (с. 197) и др.

Перечисленные дополнения, уточнения и исправления, в большинстве случаев не имеющие принципиального характера и, возможно, не всегда бесспорные, приведены исключительно как материал для дальнейших размышлений над пермской этимологией, а также с целью улучшения возможного переиздания книги, но отнюдь не для умаления высокой научной и исключительной практической значимости «Школьного этимологического словаря коми языка». Более того, данный словарь, попутно раскрывающий этимологию очень многих удмуртских слов, с успехом может быть использован и в удмуртской школе и несомненно найдет применение на факультете удмуртской филологии Удмуртского государственного университета как учебное пособие по курсу исторической лексикологии удмуртского языка.

«Школьный этимологический словарь коми языка» может послужить в дальнейшем образцом для создания аналогичных трудов и по другим восточнофинно-угорским языкам.

Сокращения

бт. — буйско-таныпский говор удмуртского языка; **канл.** — канлинский говор удмуртского языка; **крупф.** — красноуфимский говор удмуртского языка; **кукм.** — кукморский говор удмуртского языка; **перс.** — персидский язык; **сев.** — северные диалекты удмуртского языка; **татш.** — татышлинский говор удмуртского языка; **таш.** — ташкинский говор удмуртского языка; **ф.-в.** — финно-волжский праязык; **ф.-п.** — финно-пермский праязык; **шаг.** — шагиртский говор удмуртского языка; **шошм.** — шошминский говор удмуртского языка.

Кр. — З. К р о т о в, Удмуртско-русский словарь (= Краткой Вотской Словарь съ россійскимъ переводомъ собранный и по Алфавиту расположенный села Елавскаго Троицкой церкви священникомъ Захаріею Кротовымъ, 1785 года), Ижевск 1995; **КЯД** — В. И. Л ы т к и н, Коми-язввинский диалект, Москва 1961; **МКНЭС** — М. А. К е л и н, Д. В. Ц ы г а н к и н, М. В. М о с и н, Мокшень кялень нюрхкяня этимологическая словарь, Саранск 1981; **ЭКНЭС** — Д. В. Ц ы г а н к и н, М. В. М о с и н, Эрзянь кельень нурькине этимологической словарь, Саранск 1977.

ЛИТЕРАТУРА

- Атаманов М. Г. 1984, Архаическая лексика в удмуртской топонимии. — СФУ XX, 178—183.
- Калинина Л. И., Кельмаков В. К. 1987, Об «Уральском этимологическом словаре». [Рец. на:] K. Rédei, *Uralisches Etymologisches Wörterbuch. Lieferung 1.* Budapest: Akadémiai Kiadó, 1986. 84 S. — Венгерские ученые и пермская филология. Сборник статей, Устинов, 181—192.
- Кельмаков В. К. 1970, Этимологии некоторых удмуртских слов. — Филология, Ижевск (ЗУдмНИИ 21), 131—143.
- Кельмаков В. К., Тепляшина Т. И. 1973, [Рец. на:] В. И. Лыткин, Е. С. Гуляев, Краткий этимологический словарь коми языка. Москва, Наука, 1970. — Этимология 1971, Москва, 388—397.
- Лыткин В. И., Гуляев Е. С. 1975, Дополнения к «Краткому этимологическому словарю коми языка». — Коми филология, Сыктывкар (Труды Института языка, литературы и истории Коми филиала АН СССР, вып. 18).
- Насибуллин Р. Ш. 1975, Из лексики удмуртских народных говоров. — Вопросы удмуртского языкознания. Сборник статей, вып. 3, Ижевск, 106—124.
- Основы финно-угорского языкознания (вопросы происхождения и развития финно-угорских языков), Москва 1974.
- Тепляшина Т. И. 1968, Загадочные термины родства в удмуртском языке. — СФУ IV, 263—267.

В. К. КЕЛЬМАКОВ (Ижевск)

МЕЖДУНАРОДНАЯ КОНФЕРЕНЦИЯ «ПЕРСПЕКТИВНЫЕ НАПРАВЛЕНИЯ РАЗВИТИЯ В СОВРЕМЕННОМ ФИННО-УГРОВЕДЕНИИ»

С 18 по 20 ноября 1997 года силами филологического факультета Московского государственного университета им. Ломоносова при содействии Института открытого общества была проведена конференция «Перспективные направления развития в современном финно-угроведении», участниками которой стали лингвисты и литературоведы из республик Российской Федерации, Венгрии, Финляндии, Эстонии. Конференцию открыл председатель оргкомитета, заведующий кафедрой общего и сравнительно-исторического языкознания С. Н. Кузнецов. С приветственным словом к собравшимся обратились Чрезвычайный и Полномочный Посол Венгерской Республики в Москве г-н Д. Нановски, заведующий кафедрой финно-угроведения Будапештского университета П. Домокош. На пленарном заседании выступил также Н. К. Фролов (Тюмень), который представил концепцию энциклопедии обско-угорского региона. Дальнейшая работа конференции проходила по трем секциям: «Уральские языки малочисленных народов России», «Лексика, фонетика и грамматика финно-угорских языков», «Литература финно-угорских народов». На заседаниях конференции в устной и / или

письменной форме было представлено свыше 60 докладов.

В работе секции «Уральские языки малочисленных народов России» приняли участие представители известных научно-исследовательских центров — Москвы, Санкт-Петербурга, Новосибирска, Томска, Ханты-Мансийска, где в настоящее время проводятся изыскания по прибалтийско-финским, обско-угорским и самодийским языкам. В качестве одного из перспективных направлений современной уралолистики было выделено типологическое изучение финно-угорских и самодийских языков в рамках одной языковой семьи (А. И. Кузнецова, Москва); рассматривались также актуальные проблемы самоэнологии (Н. Г. Кузнецова, Ю. А. Морев, Томск) и изучения обско-угорских языков в контексте развития современного финно-угроведения (А. Д. Каксин, Ханты-Мансийск).

Социолингвистические и этнолингвистические проблемы поднимались в следующих докладах: Е. И. Ромбандеева (Ханты-Мансийск), «Возможность сохранения обско-угорских языков в современных условиях цивилизации»; О. А. Казакевич (Москва), «Язык фольклора северных селькупов сегодня: лек-